

Aleksander Kiklewicz
Olsztyn

О социально-культурном факторе функциональной семантики: проблемы речевой номинации¹

1. Семантика на основе прагматики

В философской поэме «О природе вещей» Тит Лукреций Кар писал: «Что же до звуков, какие язык производит, — природа // Вызвала их, а нужда подсказала названия предметов» (разрядка моя. — А. К.). В этой фразе содержится квинтэссенция современного функционального прагматизма, основным требованием которого является описание языка с учетом человеческой деятельности, прежде всего — мыслительной и коммуникативной².

Семантика и прагматика как два важнейших функциональных аспекта языка находятся в отношении диалектического взаимодействия: с одной стороны, семантическая информация используется в коммуникативных процессах для реализации прагматических целей речевых субъектов, в первую очередь — говорящего/пишущего³. С другой стороны, формирование и функционирование значений языковых единиц происходит под влиянием прагматических

¹ Данная статья представляет собой расширенную версию доклада, прочитанного на научной конференции «Wyraz i zdanie w językach słowiańskich» во Вроцлавском университете в мае 2012 года.

² См. О. Лещак, *Методология функционального прагматизма и структурно-функциональная лингвистика. Попытка демифологизации взглядов Ф. де Соссюра*, [в:] А. Kiklewicz (red.), *Paradygmaty filozofii języka, literatury i teorii tekstu*, Słupsk 2004, s. 62.

³ См.: А. Kiklewicz, *Semantyka bez pragmatyki*, [w:] А. Kiklewicz (red.), *Język poza granicami języka 2, Semantyka a pragmatyka: spór o pierwszeństwo, Tom 1: aspekty lingwistyczno-semiotyczne*, Olsztyn 2011, s. 30 i n.; А. Kiklewicz, *Czwarte królestwo. Język a kontekst w dyskursach współczesności*, Warszawa 2012, s. 51 i n.

факторов, в первую очередь — непосредственного окружения актов языковой деятельности и их социально-культурной среды.

Феномен, который можно определить как прагматика на базе семантики, проявляется в сфере речевых актов, предполагающих совместное участие перформативной информации (типа *Прошу...*) и номинативной информации (типа *о том, чтобы...*)⁴. Важность семантической информации в речевом взаимодействии наиболее очевидна на уровне текста: в этом случае коммуникативная (реальная или предполагаемая) реакция получателя информации обусловлена не интерактивными операторами (которые обычно не выделены), а семантическим содержанием текста — таково воздействие на читателя романа, научной статьи или газетного комментария политических событий.

В данной статье меня будет интересовать другая конфигурация функциональных аспектов языка — семантика на базе прагматики, т.е. зависимость значений языковых единиц от характера социальной, культурной и коммуникативной среды, в которой они возникают и регулярно употребляются. Идея социально-культурной обусловленности семантической системы языка имела фундаментальное значение в марксистском языкознании, а также в разных версиях лингвистической семантики, основанных на философском эмпиризме (или же на феноменологии)⁵. Один из выдающихся представителей этого направления лингвистической мысли, В. Дорошевский, утверждал:

Семантика является прагматической наукой; [...] интерпретация значений слов — это интерпретация определенных форм поведения людей и их деятельности⁶.

Дорошевский, кроме того, писал о «культурно-социальной ответственности тех, кто занимается этой интерпретацией, т.е. словарников-лексикографов» — его научная позиция четко представлена в следующей декларации:

Языкознание следует признать наукой не только общественно-исторической, но и общественно-педагогической, воспитательной; этот общественно-воспитательный аспект его наиболее ясно виден в лексикографии, главным стремлением которой [...] является стремление к тому, чтобы интеллектуальное развитие общества происходило в той степени, в какой это только возможно. [...] Если мы примем во внимание эту цель, нас будут интересовать всякие мысли-

⁴ См.: J. Searle, *Czynności mowy*, Warszawa 1987, s. 39.

⁵ См.: О. Лещак, *Языковая деятельность*, Тернополь 1996, с. 22.

⁶ В. Дорошевский, *Элементы лексикологии и семиотики*, Москва 1973, с. 66.

тельные взаимозависимости [...] истории языкознания с историей интеллектуальной культуры общества⁷.

Следует отметить, что эта научная программа, как показал Е. Бартминский⁸, не была реализована в лексикографической практике, например, в изданном под редакцией Дорошевского многотомном «Словаре польского языка». Словарные описания значений слишком научны, умозрительны, абстрактны и тем самым оторваны от реальной речевой практики носителей языка, т.е. от его употребления в наиболее естественных условиях — обыденной устной коммуникации. Например, в большинстве толковых словарей (и польских, и русских) мы прочитаем, что *луна* (польск. *księżyc*) — это естественный спутник Земли, наиболее приближенное к Земле, вращающееся вокруг нее, а вместе с ней — вокруг Солнца, небесное тело, светящееся отраженным солнечным светом. Совершенно очевидно, что это толкование слишком энциклопедично⁹ — «рядовой» носитель языка, скорее всего, пользуется более простой, удобной формой концептуализации данного природного объекта.

К проблеме обусловленности формы, структуры и значения социальным окружением речевой деятельности в 70-е и 80-е годы прошлого столетия обратились представители английской школы критической лингвистики¹⁰. Исследователи этого направления, сосредоточив внимание на грамматической и синтаксической номинации, показали, что языковая организация высказывания и текста отражает систему идеологических ценностей речевых субъектов, а также структуру социальных отношений в коммуникативной ситуации. Так, выбор активной или пассивной диатезы, т.е. заполнение позиции подлежащего словоформой с семантической функцией субъекта или объекта действия, зависит от значимости референта слова в идеологической системе говорящего. Подлежащее, таким образом, служит средством профилирования референтной ситуации с точки зрения социально-культурных приоритетов языковых субъектов¹¹.

⁷ Ibidem, с. 51-52.

⁸ См.: J. Bartmiński, *Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata*, [w:] J. Bartmiński (red.), *Językowy obraz świata*, Lublin 1999, s. 113.

⁹ К тому же приведенное словарное толкование не полно: например, для носителей русского и польского языков важно, что луна имеет форму круга или серпа, видна в темное время суток, луна всходит, заходит за облака и т.д.

¹⁰ См.: R. Fowler, B. Hodge, G. Kress et al., *Language and control*, London 1979; R. Fowler, *Language in the News. Discourse and Ideology in the Press*, London/New York 1991; G. Kress, B. Hodge, *Language and ideology*, London 1979; J. L. Mey, *Whose language. A study in linguistics pragmatics*, Amsterdam 1985.

¹¹ Т. А. ван Дейк, *Язык и идеология: к вопросу о построении теории взаимодействия*, [в:] И. Ф. Ухванова (ред.), *Методология исследований политического дискурса. Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов* (II), Минск 2000, с. 61.

Т. А. ван Дейк пишет о важнейшей роли, которую играют закодированные в культурной памяти носителей языка «ситуационные модели» для правильной интерпретации речевых актов — языковая компетенция при этом оказывается недостаточной¹².

На связь между организацией речевых сообщений и их социальным окружением обратили внимание также представители генеративной семантики. Так, известный американский языковед Дж. МакКоли не только утверждал, что полное описание языковой семантики требует описания синтаксиса¹³, но и, на что обратил внимание В. А. Звегинцев, считал, что при описании лингвистической компетенции необходимо учитывать «отношения между высказыванием и ситуацией, в которой оно употребляется»¹⁴.

В подобном же духе проблему заполнения позиции подлежащего в английском предложении рассматривает Дж. Лакофф¹⁵. Ученый обратил внимание на то, что в предложениях с активной формой глагола-сказуемого типа

- (1) This car drives easily ‘Этой машиной легко управлять’; буквально: ‘Эта машина управляет легко’.

позицию подлежащего занимает объект действия (пациенс). Лакофф объясняет данный парадокс тем, что в грамматической структуре высказывания (как номинативной единицы высшего порядка) отражается принцип ответственности, т.е. интерпретация говорящим референта подлежащего как представляющего собой главную действующую силу в описываемой ситуации: в приведенном выше предложении именно функциональные свойства машины обуславливают то, что для управления ею не требуются особые усилия и навыки.

Идея зависимости структуры высказывания от социального контекста речевой деятельности нашла отражение в теории функционального синтаксиса С. Куно, который ввел понятие эмпатии как особого интенционального отношения говорящего к элементам (фрагментам) описываемой референциальной ситуации¹⁶. Говорящий как бы «сочувствует» одним предметам, равнодушен или настроен негативно по отношению к другим. В за-

¹² Т. А. ван Дейк, *Язык. Познание. Коммуникация*, Москва 1989, с. 18.

¹³ См.: Дж. МакКоли, *О месте семантики в грамматике языка*, [в:] В. А. Звегинцев (ред.), *Новое в зарубежной лингвистике. X. Лингвистическая семантика*, Москва 1981, с. 285.

¹⁴ См.: В. А. Звегинцев, *Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий*, [в:] В. А. Звегинцев (ред.), *Новое в зарубежной лингвистике. X. Лингвистическая семантика*, Москва 1981, с. 20.

¹⁵ См.: Дж. Лакофф, *Лингвистические геистальты*, [в:] В. А. Звегинцев (ред.), *Новое в зарубежной лингвистике. X. Лингвистическая семантика*, Москва 1981, с. 362.

¹⁶ См.: S. Kuno, *Functional syntax. Anaphora, Discourse and Empathy*, Chicago/London.

висимости от этого та или иная словоформа (именная группа) выдвигается в позицию подлежащего, которая является коммуникативным центром высказывания, находится в «фокусе интереса». Ср. некоторые примеры:

- (2) [Когда я был в институте] я случайно встретил там Машу — ? [Когда я был в институте] меня случайно встретила там Маша.
 (3) Девочка съела пирожок — ? Пирожок был съеден девочкой.
 (4) Кошка лежит на коврике — ? Коврик находится под кошкой.

Все приведенные выше предложения грамматически правильны, однако только левая версия приемлема с коммуникативной точки зрения, так как она отражает естественные предпочтения говорящего, который отдает предпочтение самому себе — перед другими, активному субъекту — перед объектом или же занимаемым им фрагментом пространства, живому существу — перед неживым предметом и т.д. В соответствии с характером предпочтений участников ситуации Куно выделил несколько типов эмпатии: дескриптивную, атрибутивную, речевую и родовую.

Роль социального аспекта речевого взаимодействия в организации языковых единиц подчеркивают представители коммуникативного направления в современной лингвистике. Один из основателей функционального прагматизма американский психолог и философ У. Джемс писал об интенциональном, избирательном характере познавательной деятельности, которая отражается в естественном языке, в частности, в явлениях номинации. С точки зрения Джемса название вещи «более характеризует нас, чем саму вещь»¹⁷. Подобную точку зрения в первой половине XX века высказывали представители русской школы социологии языка, в первую очередь — В. Н. Волошинов, который писал: «Нельзя отрывать знак от конкретных форм социального общения»¹⁸. В связи с этим следует отметить и оригинальную концепцию русского философа А. Ф. Лосева, который принимал в качестве аксиомы «бесконечную семантическую валентность» знака, определял значение как «знак, рассматриваемый в свете своего контекста»¹⁹.

Идея синергизма речевой деятельности была развита в «Философских исследованиях» Л. Витгенштейна, который подчеркивал, что язык неразрывно связан с человеческой деятельностью. В § 19 своего труда Витгенштейн писал, что представить себе какой-либо язык означает представить определенный

¹⁷ У. Джемс, *Мышление*, [в:] Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухов (ред.), *Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления*, Москва 1981, с. 15.

¹⁸ См.: В. Н. Волошинов, *Философия и социология гуманитарных наук*, Санкт-Петербург 1995, с. 234.

¹⁹ См.: А. Ф. Лосев, *Проблема символа и реалистическое искусство*, Москва 1976, с. 125; А. Ф. Лосев, *Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию*, Москва 1982, с. 114 ссл.

образ жизни. Присутствие в речевой коммуникации социально-культурного фона обуславливает принципиальную схематичность языковых построений, т.е. их неоформленность, некомпозитивность (ср. «неопределеннозначность» в терминологии В. В. Мартынова²⁰). Это свойство высказываний, называемое ситуативностью, особенно проявляется в разговорной речи²¹, а также в текстах массовой культуры, например, в журналистике²².

В русском языкознании сторонником идеи синергизма был В. А. Звегинцев — автор афористического высказывания: «Язык как сквозь туман проглядывает сквозь каждое предложение»²³. Звегинцев утверждал, что конститутивные признаки единиц любого уровня языка «следует искать в вышележащем уровне, вне которого они не существуют»²⁴, а языковая компетенция в процессе речевой деятельности взаимодействует с когнитивной²⁵. В случае предложения таким уровнем является сфера внеязыковой человеческой деятельности (т.е. дискурс), поэтому, по мнению Звегинцева, «смысл способен преодолеть любое сопротивление языка, если он достигает при этом привязанности к той или иной ситуации»²⁶. Построенные по синтаксическим схемам единицы, которые лишены контекстуализации, Звегинцев квалифицировал как псевдо-предложения²⁷.

Значительное влияние на языкознание последних десятилетий XX века оказала теория этнографии речи Д. Хаймса, который выдвинул тезис об основополагающей роли контекстуализации как ангажированности процессов порождения речевых единиц в процессы межличностных отношений; они, по мнению Хаймса, должны получить полноценное отражение в социолингвистических исследованиях. Язык в этнографии речи интерпретируется в свете социальных и антропологических явлений, потребностей человеческой деятельности и эволюционной адаптации человека к окружающей среде²⁸.

²⁰ См.: В. В. Мартынов, *Функциональная грамматика и категории языка*, [в:] В. Н. Ярцева (ред.), *Проблемы функциональной грамматики*, Москва 1985, с. 155–161; В. В. Мартынов, *Принципы объективной семантической классификации*, [в:] В. В. Мартынов (ред.), *Реализационный аспект функционирования языка*, Минск 1995, с. 83–91.

²¹ См.: Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев, *Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*, Москва 1981, с. 19; J. Warchala, *Kategoria potoczności w języku*, Katowice 2003, s. 83.

²² См.: D. Szumska, *Niebezpieczne związki, czyli meandry adiektywizacji*, [w:] A. Кіклевіч (ред.), *Паланістыка — Полоністыка — Polonistyka 1999*, Мінск 1999, s. 77.

²³ См.: В. А. Звегинцев, *Предложение и его отношение к языку и речи*, Москва 1976, с. 143.

²⁴ Ibidem, с. 172.

²⁵ См.: В. А. Звегинцев, *Язык и знание*, [в:] «Вопросы языкознания» 1, 1982, с. 79.

²⁶ См.: В. А. Звегинцев, *Предложение и его отношение к языку и речи...* с. 178.

²⁷ См.: В. А. Звегинцев, *Предложение и его отношение к языку и речи...* с. 185 ссл.

²⁸ См.: D. Hymes, *Ethnography, Linguistics, Narrative Inequality. Toward an Understanding of Voice*, London 1996, p. 25; D. Hymes, *Models of the Interpretation Language and Social Life*, [w:] C. Bratt Paulston, G. R. Tucker (eds.), *Sociolinguistics. The Essential Readings*, Oxford 2003.

Значимость социально-культурного фактора в процессах функционирования языка принимается в качестве аксиомы в современной функциональной семантике. Одним из первых на необходимость привлечения когнитивной информации в семантических исследованиях писал Дж. Сёрль²⁹. Развивающий это направление исследований бельгийский лингвист Р. Дирвен утверждает, что интерпретация языковых выражений всегда опирается на (выходящие за рамки языковой компетенции) знания о мире (то, что в психологическом языкознании XIX века определялось как «апперцептивная база»). Дирвен ввел понятие «*minimal-specification view*»³⁰, которое означает схематичный, упрощенно-обобщенный характер информации, закодированной в языковых знаках — ее понимание, адекватное по отношению к замыслу говорящего, а также по отношению к ожидаемым эффектам речевого акта, требует и н ф е р е н ц и и — актуализации общих знаний о мире, информации о коммуникативной ситуации, о партнере и т.д.

Взгляд на язык в перспективе его социального функционирования стал также характерной чертой психолингвистики третьего поколения. Как отмечает В. П. Глухов³¹, ученые этого направления критически отнеслись к неопозитивистской теории Н. Хомского о роли врожденных универсальных языковых структур в формировании языковой способности человека, подчеркивая социальную и историческую детерминированность языковой системы, а тем более речевой деятельности. В 70-е годы XX века широкое распространение получили работы норвежского лингвиста Р. Ромметвейта, который выступил с требованием изучать «высказывания, включенные в коммуникативные окружения»³². Ромметвейт и другие сторонники эмпиризма, а также интеракционизма в социальной психологии в качестве фундаментальной рассматривали категорию роли как культурно обусловленный, устойчивый статус субъектов социально релевантного поведения, который находит отражение в процессах информационного обмена с помощью естественного языка.

2. Социально-культурный компонент семантического содержания языковых знаков

Влияние социальной, культурной и коммуникативной среды на языковую/речевую деятельность проявляется не только в аспекте формы языковых еди-

²⁹ См.: J. Searle, *Metaphor*, [in:] A. Ortony (ed.), *Metaphor and Thought*, London/New York/Melbourne 1979, p. 94.

³⁰ См.: R. Dirven, *The Metaphoric in Recent Cognitive Approaches to English Phrasal Verbs*, [in:] www.metaphorik.de.1 (доступ 2001).

³¹ См.: В. П. Глухов, *Основы психолингвистики*, Москва 2005.

³² См.: Р. Ромметвейт, *Слова, значения и сообщения*, Москва 1972, с. 72.

ниц, но и в аспекте их содержания. Можно различать четыре типа таких явлений в языковой семантике:

1. внутреннюю форму (слова, словосочетания, предложения);
2. вторичную номинацию;
3. коннотацию;
4. структуру семантических полей.

Внутренняя форма, т.е. мотивация языкового знака, всегда социально и культурно обусловлена: каждая конкретная номинация связана с ситуацией человеческой деятельности, с практическим и интеллектуальным опытом языковых субъектов, с конкретными задачами, которые должны быть решены с использованием знаковых средств³³. Именно поэтому внутренняя форма знаков, имеющих одинаковое семантическое содержание в разных языках, может различаться, что хорошо показано в литературе, например, в монографии Б. А. Плотникова³⁴. Эта зависимость между внутренней формой и социально-культурной средой является основным предметом этнолингвистики, которая ставит своей задачей на базе языкового материала (прежде всего лексического) восстановить культурную картину мира. В какой-то степени эта задача решаемая, но возможности лингвистического подхода к проблемам изучения культуры весьма ограничены. Во-первых, реконструируемая таким образом картина мира часто отличается от реально культивируемой носителями языка — тогда ученые используют своего рода уловку: они вводят понятие «языковой картины мира». Ситуацию это, однако, не проясняет, потому что остается неясным, какие культурные феномены скрываются за реконструкциями внутренней формы. Другими словами — необходима социально-культурная, в частности, историческая атрибуция подобных экстраполяций. Например, с современной точки зрения мотивация русского существительного *болельщик* (как и итальянского *tifosi*), т.е. идея болезни, кажется довольно странной, требующей специального комментария — эту задачу, однако, нельзя решить лингвистическими средствами: лингвист может указать на происхождение существительного от глагола *болеть*, что же касается мотивации этого факта, она требует специального анализа культурной ситуации, которая имела место в прошлом. К лингвистическим задачам та-

³³ В связи с этим можно привести цитату из работы У. Джемса: «Мое мышление всегда связано с деятельностью, а действовать я могу лишь в одном направлении. [...] В данную минуту для меня, пока я пишу эту главу, способность подбора фактов и умение сосредоточивать внимание на известных сторонах явления представляется сущностью человеческого ума. В других главах иные свойства казались и будут казаться мне наиболее существенными сторонами человеческого духа»; см. У. Джемс, *Мышление...* с. 15. Подобную мысль применительно к языковым знаниям высказывает И. К. Архипов, см.: И. К. Архипов, *О «переносе информации» в прямом и метонимическом смысле*, [в:] «Przegląd Wschodnioeuropejski» II, 2011, с. 460.

³⁴ См.: Б. А. Плотников, *О форме и содержании в языке*, Минск 1989, с. 124 ссл.

кой анализ не имеет непосредственного отношения — его можно рассматривать только как вспомогательный.

Во-вторых, как пишет В. М. Мокиенко³⁵, этнолингвистические исследования «направлены в конечном итоге на поиски национальной специфики языка как культурологического феномена». Можно полагать, что в основе этого подхода лежит социальная психология В. Вундта, который считал, что объектом психологии народов должен служить язык, мифы (с зачатками религии) и обычаи (с зачатками морали) — «их содержание превышает объем индивидуального сознания», при этом подчеркивая: «Язык содержит в себе общую форму живущих в духе народа представлений и законы их связи»³⁶. Из этой установки вытекает

общая методологическая особенность многих исследований такого рода — глобальность выводов, построенных на неадекватном сопоставлении фактов разных языков или вообще отсутствие сопоставительного фона³⁷.

Проблема заключается в том, что попытка гипергенерализации всех культурных апелляций фактов этимологического (и вообще — реконструктивного) анализа оказывается необоснованной в силу того, что общий источник мотивации языковых знаков — пресловутый «дух народа» — отсутствует. Процессы номинации не имеют единого источника, они восходят к разным культурным, в том числе историческим ситуациям, к разным, часто окказиональным, инцидентальным точкам зрения. К тому же каждое национальное сознание формируется под влиянием других и часто трудно отделить свое от чужого, наносного. Как, например, объяснить ссылкой на «психологию народа», почему в основу русского существительного *полотенце* положен признак материала и размера (оно образовано от существительного *полотно*), а в основу польского существительного *ręcznik* или белорусского *рушнік* — признак цели употребления?

Множественность точек зрения обуславливает мозаичный характер культуры, о которой А. Моль пишет как о «результате случайного скопления разрозненных элементов»³⁸. Поэтому то, что называется «языковой картиной мира», оказывается внутренне противоречивым; таковы, например, языковые стереотипы национальностей, которые содержат взаимоисключающие (положительные и отрицательные) признаки³⁹. В связи с этим Е. Фарино пишет:

³⁵ См.: В. М. Мокиенко, *Языковая картина мира в зеркале фразеологии*, [в:] W. Chlebda (red.), *Frazeologia a językowe obrazy świata przelomu wieków*, Opole 2007, s. 50.

³⁶ См.: В. Вундт, *Проблемы психологии народов*, Москва 1912.

³⁷ В. М. Мокиенко, *Языковая картина мира... с. 50.*

³⁸ См.: А. Моль, *Социодинамика культуры*, Москва 2007, с. 84.

³⁹ См.: В. Hansen, *Экономные как немцы. Национальные стереотипы и их отражение в коннотациях этнонимов в русском и других языках*, [в:] «Acta Neophilologica» VIII, 2006, с. 165 ссл.

[...] Беспорядка, хаоса моделировать нельзя. Поэтому по своей сути моделирование есть воспроизведение упорядоченности, структуры некоторого объекта, нетождественного воспринимающему объекту⁴⁰.

И заключает: «То, что обычно называется естественным языком, не есть система и не является моделью мира»⁴¹.

Социо-культурно маркированной является также вторичная номинация, т.е. метафорическое и метонимическое употребление слов. Каждый факт вторичной номинации опирается на базовые представления о действительности, актуальные для данного языкового субъекта в данной обстановке, при этом, вероятно, во внимание принимаются и познавательные культурные параметры «другой стороны» — коммуникативного партнера или потенциального пользователя языковых знаков. Исходя из подобных теоретических предпосылок, голландский исследователь М. Лизенберг критикует теорию когнитивных метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона за чрезмерный эмпиризм: в этой теории в качестве источника информации об исходной понятийной категории («source domain») рассматривается непосредственное сенсорное восприятие и сформированный на этой базе познавательный опыт⁴². Это, считает Лизенберг⁴³, не соответствует действительности, потому что в процессе вторичной номинации исключительно важен также социально-культурный фактор, а именно — принятая в данном сообществе система ценностей.

С одной стороны, имеются языковые факты, которые однозначно указывают на обусловленность метафоры принятой в данной языковом сообществе системой культурных ценностей. Это отмечает Г. Ф. Благова⁴⁴, которая приводит характерные для тюрских народов способы метафорического определения времени и пространства. Так, значение ‘небольшое расстояние’ метафорически выражается с помощью лексемы, первичное значение которой — ‘расстояние между задними ногами лошади’; значение ‘светает’ — посредством значения ‘солнце поднимется на высоту копыя’. Эти и другие исходные, базовые понятийные категории (<лошадь>, <копыя>) непосредственно связаны с образом жизни носителей тюрских языков, во всяком случае с их традиционной культурой.

⁴⁰ Е. Фарино, *Некоторые вопросы теории поэтического языка (Язык как моделирующая система. Поэтический язык Цветаевой)*, [в:] М. R. Mayenowa (red.), *Semiotyka i struktura tekstu. Studia poświęcone VII Międzynarodowemu Kongresowi Slawistów*, Warszawa 1973, s. 132.

⁴¹ Ibidem, с. 133.

⁴² См.: М. Leezenberg, *Contexts of Metaphor*, Amsterdam/London/New York etc. 2001, p. 142.

⁴³ М. Leezenberg ссылается на работу: В. Indurkha, *Metaphor and Cognition*, Dordrecht 1992, p. 126.

⁴⁴ См.: Г. Ф. Благова, *Время и пространство: народные способы выражения в тюрских языках*, [в:] «Rocznik Slawistyczny» LII/2, 1999, с. 79-92.

А. П. Чудинов рассматривает различия между российской и американской политической метафорой; некоторые из них довольно «прозрачны» с точки зрения культурной обусловленности. Так, в американской политической речи больше доля метафор, связанных с миром кино. Это можно объяснить более значимым статусом киноискусства в системе американской культуры⁴⁵.

Культурно обусловлен также характер сравнительных и метафорических конструкций в отдельных диалектах: в их основе лежит характерный для данного языкового субъекта круг интересов, способ мышления. В качестве примера можно привести предложение из личной переписки:

- (5) Ну, любезнейший дружище, если бы можно было краснеть письменно, то я покраснел бы подобно мочевой кислоте, когда ее обрабатывают HNO_3 и потом NH_3 .

Довольно странный — с общей точки зрения — способ концептуализации чувства посредством апелляции к категориям химии объясняется тем, что автор текста — известный композитор А. П. Бородин, был также ученым-химиком. Подобного рода хабитуальная мотивация лежит в основе лингвистических метафор и сравнений в афоризмах писателя и ученого-лингвиста Ю. В. Казарина:

- (6) Снегопад падает в форме множественного числа.
 (7) Смерть — это когда понимаешь все, а сказать некому.
 (8) Писатель — говорящий и слушающий в одном лице.
 (9) Ложась на землю и превращаясь в поле, снег переходит из множественного в единственное число. Грамматика погоды.
 (10) Государство мое поменяло пол: был Союз, а стала Россия.

С другой стороны, многие метафорические значения (как показывает их сравнение в разных языках) лишены очевидной — с точки зрения носителей современного языка — культурной мотивации. Так, Ю. А. Бельчиков приводит пример русского существительного *гусь*, которое во вторичном употреблении заключает в себе негативную характеристику человека с намеком на его плутовство, необязательность; подобное по значению существительное *die Gans* в немецком языке метафорически употребляется как характеристика глупой медлительной женщины⁴⁶ — отчасти (но только отчасти) это можно объяснить грамматическим значением женского рода.

⁴⁵ См.: А. П. Чудинов, *Политическая лингвистика*, Москва 2007, с. 203 ссл.

⁴⁶ См.: Ю. А. Бельчиков, *О культурном коннотативном компоненте лексики*, [в:] Б. А. Серебрянников (ред.), *Язык: система и функционирование*, Москва 1988, с. 30-35.

Другой пример: немецкой пословице

- (11) *Erst wägen, dann wagen*, дословно: ‘Сначала надо взвесить, а потом осмелиться (что-либо сделать)’

соответствует русская:

- (12) Семь раз отмерь, один — отрежь.

По смыслу оба высказывания эквивалентны, но все же имеют разную мотивацию: немецкая конструкция опирается на прототипическую ситуацию взвешивания, тогда как русская конструкция — на ситуацию кроения ткани. Можно ли, используя современные лингвистические методы, установить культурные источники этого различия, апеллировать к характерной для немцев и русских «народной психологии»? Думаю, что для этого нет никаких оснований. Подобным же образом следует интерпретировать большинство случаев метафорической диасемии, в том числе и при сравнении близкородственных языков. Например, в польском языке встречается ласковое обращение к женщине: *Moja żabko!*.. или к мужчине: *Mój misiu!*.. Эти вторичные номинации трудно представить себе в русской речевой среде: **Моя лягушечка!*.. **Мой медвежонок!*.., как и польские обращения **Mój ptaszku!*..; **Moja łapko!*.., которые вполне естественны в русской речи: *Птичка моя!*..; *Лапочка!*.. Вряд ли существует возможность установления когнитивного источника подобных различий (как и в случае различий в сфере регулярной полисемии в русском и французском языках, описанных В. Г. Гаком⁴⁷). Апелляции к характерной для поляков, русских, французов и т.д. «языковой картине мира», которые в связи с решением таких задач можно встретить в работах лингвистов, в своем большинстве являются не более чем спекуляциями.

Роль социально-культурного контекста в реализации языковой семантики знаков, пожалуй, наиболее ярко проявляется в явлении коннотации. Как пишет Ю. А. Бельчиков, в речевой практике к основному значению слова добавляется культурный компонент, обусловленный обстановкой речи, другими словами — «обстановочным контекстом». Таким образом, благодаря уже упомянутому явлению инференции возникает добавочный смысл, о котором писал уже Л. С. Выготский⁴⁸.

⁴⁷ См.: В. Г. Гак, *Сравнительная типология французского и русского языков*, Москва 1977, с. 257 ссл.

⁴⁸ См.: Л. С. Выготский, *Собрание сочинений. Т. 2. Проблемы общей психологии*, Москва 1982, с. 346. См. также «sens paddanu» — добавленный смысл, в работе: А. Awdziejew, *Gramatyka interakcji werbalnej*, Kraków 2004, s. 15.

В русском языкознании системное изучение культурной семантики языковых единиц было предложено в 1980 г. Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым. В их работе подчеркивалось, что «семантика слова лексическим понятием не исчерпывается» — в состав значения входят также компоненты, обусловленные функционированием слова в типичных коммуникативных ситуациях. Совокупность этих компонентов была определена как лексический фон⁴⁹. Например, довольно широко распространены национально-культурные семантические компоненты, отражающие «особенности территории распространения общности людей, специфику ее экономической жизни, самобытность национальной психологии и своеобразии национальной культуры»⁵⁰. Так, в русской символической семантике существительное *черемуха* часто вызывает ассоциацию с чувством любви: в русских лирических песнях юноши дарят девушкам цветы черемухи, бросают их девушкам в окно:

(13) Еще косою острою // В лугах трава не скошена, // Еще не вся черемуха //
В твое окошко брошена (М. Исаковский).

(14) Все равно любимая отцветет черемухой (С. Есенин).

(15) Ах, черемуха белая, сколько бед ты наделала, // Ах, любовь твоя смелая,
сумасшедшей была (М. Журавлева).

Эта символика не известна польской культуре. Когда я спросил своих польских студентов-русистов, знакома ли им такая коннотация черемухи, те только пожали плечами, а некоторые признались, что даже не имеют представления, как выглядит черемуха...

Другой пример. В одной из песен Булата Окуджавы есть строки:

(16) Кларнет пробит, труба помята. Фагот, как старый посох, стерт.
На барабане швы разлезлись, но кларнетист красив, как черт.

Выделенная сравнительная конструкция нечасто употребляется в русском языке, но все-таки она характерна для русской идиоматики, ср. ее вариант *чертовски красив*:

(17) Освальд взрывной, неизменно заряженный на шутку, склонный к риску
— в пределах разумного. Голубоглазый атлет, красив как черт, умен
как бес (В. Санин).

⁴⁹ См.: Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, *Лингвострановедческая теория слова*, Москва 1980, с. 25.

⁵⁰ Ibidem, с. 67; см. также: С. Г. Тер-Минасова, *Война и мир языков и культур*, Москва 2008, с. 148

- (18) Он был чертовски красив — такой мужчина был бы подарком судьбы для любой женщины (Д. Мартынкина).
- (19) Он не только чертовски аккуратен, он чертовски красив (М. Анчаров).
- (20) Интересно, почему люди говорят «чертовски повезло» или «чертовски красив», а также «дьявольски красив» или «дьявольски умен». Почему не говорят: «по-божески умен» или «по-божески красив»? (М. Задорнов).

В польской культурной среде лексическое значение существительного *diabeł* ‘черт’ маркировано исключительно негативно, поэтому сравнительная конструкция, соответствующая русскому выражению *красив как черт*, здесь не встречается. Можно отметить лишь исключительный случай такого употребления в интернете — в тексте одного из молодежных форумов (<http://forum.interia.pl/i-tak-to-jest-tematy,dId,525186>):

- (21) ładny jak diabeł pozna... ‘красивый как черт познакомится...’

Эта (несущая в себе элементы языковой игры — оксюморона) реплика вызвала в интернете серию иронических, осудительных откликов типа:

- (22) co nagle, to po diable... ‘поспешись — людей насмешишь’
- (23) nawet nie zdajesz sobie sprawy z tego jak odstraszasz ludzi i sobie tłumaczysz to takimi bzdetami ‘ты даже не представляешь себе, как ты пугаешь людей и в свое оправдание пишешь такие глупости’

Как указывает Бельчиков, культурные коннотации в первую очередь охватывают общественно-политическую лексику. В связи с этим важно отметить понятие идеологемы как языкового знака, обычно лексемы, с заметной идеологической окрашенностью, содержащего в себе положительную или отрицательную оценку⁵¹. Например, Б. Ю. Норман и Х. Яхнов приводят из сферы публицистической лексики примеры слов, которые подобны по своему словарному значению, но различаются идеологическим фоном⁵². Таковы существительные *солдат*, *боец*, *воин*, *вояка* и *головорез*, которые несмотря на свое семантическое сходство обладают различными коммуникативными коннотациями:

⁵¹ См.: М. Н. Эпштейн, *Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса)*, [в:] «Вопросы языкознания» 6, 1991, с. 20; см. также «słowa sztandarowe», т.е. ключевые слова политической культуры в работе: W. Pisarek, *Polskie słowa sztandarowe na tle porównawczym*, [w:] W. Banyś, L. Bednarczuk, S. Karolak (red.), *Studia lingwistyczne ofiarowane profesorowi Kazimierzowi Polańskiemu*, Katowice 1999, s. 63.

⁵² См.: В. Norman, H. Jachnow, *Идеологический компонент и его место в значении слова*, [в:] «Zeitschrift für slavische Philologie» 58, 1999, с. 43 ссл.

ЛЕКСЕМА	КОННОТАЦИЯ
<i>солдат</i>	нейтральная
<i>боец</i>	нейтральная
<i>воин</i>	возвышенная; положительная оценка
<i>вояка</i>	функциональная; положительная оценка
<i>головорез</i>	этическая; отрицательная оценка

Так, существительное *вояка* со значением ‘опытный солдат’ отличается от существительного *головорез* своей положительной коннотацией, поэтому невозможна взаимозаменяемость этих слов в одном и том же предложении, ср.:

- (24) Вояка он был смелый и решительный (А. Лазарчук) — *Головорез он был смелый...
- (25) На самой этой черте у стены стоял подполковник Климентьев — весь выbleщенный, прямой, ровный, как кадровый вояка перед парадом (А. Солженицын) — *...Весь выbleщенный, прямой, ровный, как кадровый головорез перед парадом.
- (26) Он храбрый вояка, этот подполковник ополченцев Георг Кларк (Р. Штильмарк) — *Он храбрый головорез...

Кроме того *вояка* употребляется преимущественно в разговорных дискурсах, несет в себе оттенок приватности, фамильярности, поэтому это слово не встречается в официальных стилях речи, ср.:

- (27) наши славные воины — *наши славные вояки

Последний, выделенный мной параметр описания воздействия культурной среды на язык — система семантических (тематических) полей. На эту особенность естественных языков указывал, например, Б. А. Плотников:

Несмотря на объективность внешнего мира и единство действующих в нем закономерностей, в зависимости от традиций, условий жизни, обычаев людей и т.д. в семантике языка каждого народа отражаются неидентичные стороны реалий и выделяются не одни и те же отношения между этими реалиями, а это приводит к разной тематической классификации лексики не только в типологически далеких языках, но и в родственных языках [...]⁵³.

Такая, эпистемологическая трактовка структуры лексикона, как пишет Ю. Н. Караулов, обуславливает стремление ученых «подменить „картину

⁵³ Б. А. Плотников, *Основы семасиологии*, Минск 1984, с. 139.

мира” структурой словаря и наоборот»⁵⁴. Наблюдения над разными версиями идеографических словарей позволяют сделать общий вывод:

В более высоких ярусах (семантической классификации. — А. К.) фигурируют общелогические понятия, свойственные всем языкам, и тем более эти общелогические понятия характерны для самого высокого уровня. [...] Чем дальше мы углубляемся в иерархические отношения, тем больше возможность расхождения между языками, тем больше вероятность появления лакун, несовпадения границ полей как между языками, так и в пределах одного языка — между полями у разных носителей⁵⁵.

Тем самым сопоставительное изучение семантических полей, как показал опыт немецкого неогумбольдтианства, создает эмпирические предпосылки для теоретических построений в области этнолингвистики.

3. Социальный контекст и принципы речевой номинации

В предыдущей части статьи были рассмотрены явления социально-культурной обусловленности семантики в языке. Еще бóльшая степень участия социального контекста наблюдается в речевой деятельности. Следует отметить, что проблемы речевой номинации (по сравнению с языковой номинацией) изучены значительно слабее. Исследователи, главным образом, концентрируют внимание на трех явлениях: 1) дейксисе; 2) референции и 3) уровнях категоризации денотатов знаков⁵⁶. Однако существует не менее важная проблема выбора в конкретной речевой ситуации способа концептуализации рассматриваемого объекта (предмета, действия, состояния и т.д.) с учетом имеющихся в языковой системе средств номинации. При этом речевой субъект принимает во внимание как минимум три фактора:

1. объективные свойства денотата;
2. имеющиеся в его распоряжении средства языковой номинации;
3. субъективные установки с учетом цели и характера деятельности субъекта, а также коммуникативной ситуации, ее обстановки и сцены⁵⁷.

⁵⁴ См.: Ю. Н. Караулов, *Общая и русская идеография*, Москва 1976, с. 246 сл.

⁵⁵ Ibidem, с. 255.

⁵⁶ См.: Е. Tabakowska, *Językoznawstwo kognitywne a poetyka przekładu*, Kraków 2001, s. 59.

⁵⁷ Ср. «мотивационную функцию невербальных компонентов коммуникативного акта» в работе: Е. А. Земская, М. Б. Китайгородская, Е. Н. Ширяев, *Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*, Москва 1981, с. 19.

Таким образом, объективная действительность, язык и человеческая (интеллектуальная и практическая) деятельность составляют в речевой коммуникации диалектическое единство.

Социальный контекст обуславливает специфические принципы речевой номинации, которые будут кратко рассмотрены в этой части статьи:

1. принцип ближайшего (оптимального) отношения;
2. принцип эмпатии;
3. принцип дифференциации.

Принцип ближайшего отношения в первую очередь касается номинации лиц. В этом случае учитывается фон личных отношений между речевым субъектом и тем лицом, которое описывается в высказывании. Действие данного принципа удобно показать на примере анекдота, опубликованного в сборнике «Физики продолжают шутить»:

- (28) Дирак женился на сестре Вигнера. Вскоре к нему в гости заехал знакомый, который еще ничего не знал о происшедшем событии. В разгар их разговора в комнату вошла молодая женщина, которая называла Дирака по имени, разливала чай и вообще вела себя как хозяйка дома. Через некоторое время Дирак заметил смущение гостя и, хлопнув себя по лбу, воскликнул: «Извини, пожалуйста, я забыл тебя познакомить — это... сестра Вигнера!»

Комический эффект в данной истории основан на том, что говорящий (Дирак) нарушает принцип ближайшего отношения: называя свою жену сестрой Вигнера, он тем самым избегает способа номинации, который был бы в данной ситуации наиболее естественным — речь идет об указании на непосредственное отношение молодой женщины к самому говорящему.

В соответствии с данным принципом говорящий должен выбрать такую языковую номинацию лица, которая отражает наиболее близкое его отношение к одному из участников коммуникативной ситуации. В каком-то смысле здесь можно говорить и о принципе релевантности, потому что (возвращаясь к нашему примеру) отношение молодой женщины к Дираку ('жена') является более релевантным, коммуникативно значимым, чем ее отношение к Вигнеру ('сестра'). Формально это можно отразить следующим образом:

$$R_{\text{ЖЕНА (Дирак, молодая женщина)}} > R_{\text{СЕСТРА (Вигнер, молодая женщина)}}$$

Х. Беличова⁵⁸ приводит примеры чешских словосочетаний, которые — при своей грамматической и семантической правильности — в разной степени соответствуют принципу ближайшего отношения, поэтому одни конструкции выглядят естественно, а другие в речевой практике не представлены:

- (29) *moje matka* ‘моя мать’
 (30) *žena mého otce* ‘жена моего отца’
 (31) *dcera mé babičky* ‘дочь моей бабушки’

Градация степени релевантности здесь очевидна:

$$R_{\text{МАТЬ (лицо, говорящий)}} > R_{\text{ЖЕНА (лицо, лицо: МОЙ ОТЕЦ (лицо, говорящий))}}$$

$$R_{\text{МАТЬ (лицо, говорящий)}} > R_{\text{МАТЬ (лицо, лицо: МАТЬ (лицо, говорящий))}}$$

Часто данный принцип реализуется как принцип эгоцентризма: говорящий выбирает такой тип концептуализации (и языковой номинации) лица, который указывает на его отношение к самому себе⁵⁹. Именно так (в значении ‘я и мое ближайшее окружение’) интерпретируется личное местоимение *мы* в тексте следующего анекдота:

- (32) Брежнев говорит с трибуны: «В следующей пятилетке мы будем жить еще лучше!»
 Голос из зала: «А мы?»»

Однако «ближайшая номинация» не всегда эгоцентрична — говорящий учитывает не только свою позицию, но и позиции коммуникативных партнеров, а также других, не участвующих в коммуникации лиц. Сравним с этой точки зрения три высказывания:

- (33) Звонила моя теща.
 (34) Звонила твоя теща.
 (35) Звонила теща Иванова.

Первое высказывание будет мотивированным в ситуации, когда отношение ТЕЩА между референтом существительного и говорящим является наиболее близким — ни одно лицо в данной ситуации не имеет более близкого отношения. Напротив, было бы коммуникативно необоснованным, если бы муж обратился с такой репликой к своей жене — в этом случае следовало бы учесть другую иерархию релевантности:

⁵⁸ См.: Z. Beličová, *Ke vstahu tzv. povrchových a hloubkových větných významů*, [w:] «Československa rusistika» XXIX/4, 1984, s. 148.

⁵⁹ См.: A. Kiklewicz, *Czwarde królestwo...* с. 183 ссл.

$$R_{\text{МАТЬ (лицо, слушающий)}} > R_{\text{ТЕЩА (лицо, говорящий)}}$$

Второе высказывание учитывает другой фон социальных отношений: здесь предполагается, что наиболее близким является отношение ТЕЩА между референтом существительного и адресатом сообщения. Наконец, в третьем высказывании говорящий отдает себе отчет в том, что никто из участников речевой ситуации не входит в близкое отношение с референтом существительного, поэтому в качестве одного из агентов отношения ТЕЩА выбирается «третье» лицо (*Иванов*).

Принцип ближайшего отношения объясняет также процесс речевой компрессии в высказываниях с релятивными существительными: в ситуации, когда отсутствует указание на агента релятивной функции, обычно этот статус приписывается говорящему (реже слушающему), о чем свидетельствуют следующие примеры:

(36) А: Что произошло?

Б: Звонил директор.

Хотя в высказывании прямо не указывается, чей директор звонил, мы склонны интерпретировать ответную реплику довольно однозначно: ‘Звонил мой/наш директор’. Это — своего рода речевая номинация по умолчанию, у которой есть и вторая сторона, связанная с явлением импликации: если говорящий, характеризуя лицо, не ссылается на его отношение к самому себе, это значит, что между данным лицом и говорящим нет близкого отношения. Например, из высказывания

(37) Сосед Кости — очень симпатичный человек

следует, что у говорящего нет прямых контактов с соседом Кости. Таким образом с помощью средств речевой номинации выражается отношение *чуждости*, как, например, в предложении из прозы Антона Чехова:

(38) Отец и его жена не пускают меня сюда.

Из формы номинации *его жена* вытекает, что имеется в виду лицо, которое не является матерью говорящего — иначе конструкция была бы построена иначе:

(39) Отец и мать не пускают меня сюда.

О принципе эмпатии уже была речь в первой части статьи. С. Куно, который ввел это понятие в функциональную лингвистику, рассматривает эм-

патию прежде всего с точки зрения организации предложения, однако существуют также ее аспекты, связанные с речевой номинацией. Одним из характерных явлений этого типа является номинация с точки зрения ребенка в речи взрослого. Когда один из родителей обращается к ребенку с репликой:

(40) Поедем к бабушке,

принцип ближайшего отношения нарушается: говорящий отдает предпочтение отношению БАБУШКА между референтом существительного и адресатом, хотя отношение МАТЬ — между референтом существительного и говорящим, было бы более релевантным. Объясняется это особой установкой говорящего — «сочувствием» к адресату.

Номинация этого типа реализуется не только на фоне отношений взрослого к ребенку или старшего родственника к младшему (в европейских культурах), но и вообще — при вежливом обращении к собеседнику, как мы это наблюдаем в «Преступлении и наказании» Федора Достоевского (речь идет об употреблении существительного *матушка*):

(41) — А к вам матушка приехала? — осведомился для чего-то Порфирий Петрович. — Да. — Когда же это-с? — Вчера вечером.

В речевой коммуникации реализуется также принцип дифференциации, который состоит в том, что номинация служит выделению объекта (чаще всего лица) из числа участников ситуации. Говорящему важно сообщить о таких характеристиках лица, которые были бы достаточны для его надежной идентификации — на фоне других лиц. Такую идентифицирующую и одновременно диакритическую функцию выполняют многие обращения. Рассмотрим в связи с этим реплику из рассказа Владимира Короленко «Мороз»:

(42) Погоди, барин, этак нельзя. Одежда у тебя не по этому ветру. На вот, я привез тебе. Одевайся.

Существительное *барин* в форме обращения выполняет, скорее, различительную и дескриптивную функцию: в речевой ситуации принимают участие два человека, один из которых является деревенским старостой (управителем), а другой — начальником разведочной приисковой партии, т.е. «господином». Данная форма обращения, таким образом, служит манифестации социальной структуры, представляет статусные роли коммуникативных партнеров (обращение *барин* было бы неуместно в ситуации с участием партнеров с одинаковым социальным статусом, независимо от характера статуса, например,

в ситуации, когда один «господин» обращается к другому). Особенно заметна диакритическая функция номинативных средств языка в обращениях, содержащих негативную оценку адресата:

- (43) Скотина!
- (44) Мерзавец!
- (45) Глупец!
- (46) Иуда!

В этом случае предполагается фоновая информация о речевом субъекте, который считает себя лишенным негативных свойств, приписываемых другому лицу (здесь как бы реализуется пословица: «Не бросайся камнями, если живешь в стеклянном доме»). Это явление наблюдается также в других синтаксических условиях, вне апеллятивных конструкций, когда из формы номинации следует, что говорящий уверен в невозможности применения к самому себе (а иногда — и к другим лицам) употребляемых в речи характеристик:

- (47) Я не поздоровался с этим подлецом, которого не видел много лет (Ф. Искандер).
- (48) Я не заложила тебя, как сказал этот вор и бандит, твой приятель (Э. Лимонов).
- (49) — А! — восклицает господин Ковалевский. — Здравствуйте, молодой человек красивой наружности и ловкого телосложения (Ю. Олеша).
- (50) Веселая барышня, — осклабясь сказал извозчик, — прибавьте хоть пяточок (Ф. Сологуб).

Принцип контраста необязательно реализуется в высказываниях с аксиологической семантикой. Квалификация лица косвенно отражается также на характеристике говорящего или других участников коммуникативного акта, которые исключаются из круга объектов, обладающих заключенными в ней признаками. Так, в предложении

- (51) На пороге стоял солдат с бумагой в руках (Ю. Домбровский)

с одной стороны, референт существительного *солдат* представляется с учетом его объективных свойств (человек на пороге, например, был одет в военный мундир), но, с другой стороны, говорящий учитывает и факт, что ни он сам, ни другие лица, чью точку зрения он выражает, не относятся к классу солдат — иначе был бы выбран другой способ номинации. Подобным же

образом реализуется диакритическая функция номинации в повести Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки». С одной стороны, с точки зрения говорящего — отношение между описываемым лицом и участниками коммуникативной ситуации является основанием для выбора оптимальной формы номинации лица, с другой стороны, с точки зрения слушающего — форма номинации позволяет судить о структуре коммуникативной ситуации. Рассмотрим один из примеров:

(52) В эту минуту кто-то подошел к нам сзади и сказал:

— Я тоже хочу с вами выпить.

Все разом на него поглядели. То был черноусый, в жакетке и в коричневом берете (В. Ерофеев).

Данная лицу характеристика (*черноусый, в жакетке* и т.д.) не оставляет сомнений относительно того, что это был единственный в данной ситуации черноусый человек, единственный, кто был одет в жакетку, и единственный, у кого на голове был коричневый берет.

Заключение

В данной статье рассмотрены теоретические предпосылки научного исследования социально-культурных аспектов языка, речи и речевой деятельности в разных лингвистических дисциплинах — таких, как функциональная и генеративная семантика, критическая лингвистика, психолингвистика третьего поколения, интерактивная грамматика и др. В качестве параметров семантической системы языка, которые отражают воздействие социальных факторов, были рассмотрены внутренняя форма, вторичная номинация (в частности, метафора), коннотация (ассоциация, лексический фон слова) и структура семантических полей. Были описаны три принципа речевой номинации, основанные на учете фона социальных отношений с участием говорящего или других участников коммуникативной ситуации: принцип ближайшего отношения, принцип эмпатии и принцип дифференциации. Из проведенных наблюдений следует общий вывод о своего рода амбивалентности процессов речевой номинации: говорящий, с одной стороны, учитывает функциональные, физические, генетические и др. свойства описываемого объекта концептуализации (и объекта номинации), с другой же стороны — обращает внимание на социально-культурный контекст номинации, место денотата знака в социальной структуре — с учетом собственной позиции. Этот процесс чем-то напоминает ситуацию из стихотворения Беллы Ахмадулиной «Мне дан июнь холодный и пространный...»:

На любованье маленьким оттенком
уходит час. Светло, но не рассвет.
Сверяю свет и слово — так аптекарь
то на весы глядит, то на рецепт.

SUMMARY

On the Socio-cultural Factor of Functional Semantics: the Problem of Sofspeech Nomination

The author presents an overview of some linguistic trends and disciplines which in the XXth century contributed to the systematic study of the effects of social, cultural and communication environment on language system and linguistic activity: functional and generative semantics, critical linguistics, functional syntax, interactive grammar, sociolinguistics and ethnolinguistics. The author pays particular attention to the contribution of Russian scientists, such as V. N. Voloshinov, A. F. Losev, V.A. Zvegincev and others. The four parameters of the semantic system of language are examined, which show the influence of pragmatic factors on the formation and functioning of the meaning of language units: the internal form of words, connotation, secondary nomination (metaphor, metonymy), the structure of semantic fields. In addition, the author demonstrates three principles of the nomination in the language behavior: the principle of the nearest relations, the principle of empathy and the principle of differentiation.